

ние, далеко выходящее за пределы собственно религиозной проблематики. Так было, например, и с понятием бессмертия, таким для нее важным. Оно синонимично для Дикинсон мысли о вечном духовном бытии, которое может и должно быть обретоено каждым, кто не уклонился от неизбежного страдания, воспитывая в себе истинное моральное мужество и готовность противостоять любым ударам судьбы, как и тяготам одиночества, ожидающим личность в этом мире. Смерть при всем своем трагизме выступает у Дикинсон как необходимый компонент в сложных, многогранных отношениях притяжения и отталкивания, которые существуют между человеком и природой, телом и душой, бытием и духом. Однако для нее этот компонент не был конечным — отношения не прерывались, и с земным сроком не заканчивалось человеческое присутствие на земле, потому что

Наш мир — не завершение —
Там — дальше — новый Круг —
Невидимый — как Музыка —
Вещественный — как Звук.

«Это письмо мое Миру — Ему — от кого ни письма», — так охарактеризовала она свои стихотворения. Письмо было всерьез прочитано через много лет после смерти отправителя. В. Н. Марковой принадлежит главная заслуга в том, что теперь это письмо прочли и мы — само письмо, а не гладкий пересказ его содержания. Фактически творчество Дикинсон открыто ею для русского читателя впервые. Маленькая книжка затворницы из Амхерста встанет на полку рядом с книгами По, Уитмена, Фроста, на быстро пополняющуюся в последние годы полку, где собраны сокровища американской поэзии.

А. ЗВЕРЕВ

Издано
за рубежом

ОТКРЫТИЕ БРЕТАНИ

Pierre-Jakez Hélias. Les autres et les miens. Paris, Plon, 1977.

Пьер-Жакез Элиас. Истории мои и не мои. 1977.

В 1911 году Александр Блок писал матери с Бретонского побережья: «...здесь... все кругом отчаянно и потно трудится... Этот север Франции, разумеется, беднее, его пожрал Париж, торгуют и набивают брюха на юге. Зато здесь очень тихо; и очень приятно посвятить месяц жизни бедной и милой Бретани. По вечерам океан поет очень ясно и громко, а днем только видно, как пена рассыпается у скал». Бретань оставила светлый след в душе Блока — и именно здесь

родилось стихотворение, которое сам поэт высоко ценил:

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911 — 6 февраля 1914
Aber'wrach, Finistere.

Столь хорошо запомнившаяся поэту Бретань, ее причудливые скалы и камни, немолчный шум океана, мрачные замки-крепости, старинные легенды и песни ожили также в пьесе «Роза и крест», в которой Блок высказал столько сокровенного. Хотя «драма приурочена к XIII столетию и к французской жизни... — отмечал поэт в своей записной книжке в 1916 году, — действующие лица — «современные» люди, их трагедия — и наша трагедия». Упомянутые в пьесе названия деревень Бигуденского края, входящие в департамент Финистер, — подлинные, они сохранились в Бретани и по сей день.

Именно к этим местам спустя более полувека неожиданно привлекла заинтересованное внимание французов (и не только французов) документальная книга скромного университетского преподавателя Пьера-Жакеза Элиаса (род. в 1914) «Конь моей гордости» с подзаголовком «Воспоминания бретонца из Бигуденского края» (1975)¹.

Некоторое время назад во Франции вспыхнуло бурное движение за национальное возрождение провинций, их культур, местных языков и диалектов. Самым ярким и оригинальным литературным событием, вызванным к жизни этим процессом, явилась книга Пьера-Жакеза Элиаса, заново открывшая всем Бретань. Знаменитую Бретань, занимающую во Франции второе место после Лазурного берега по притоку туристов? Бретань, о которой уже столько написано? Почему же это объемистое повествование, текущее свободно и неторопливо, словно полноводная река, не заглушая задушевного и вместе с тем ироничного голоса самого автора, было воспринято всеми как подлинное откровение? Замечательный дар рассказчика, естественность и искренность интонации, поэтичность, глубокое проникновение в народную жизнь, ценные этнографические сведения о прошлом Бретани, о быте и традициях беднейших бигуденцев, издавна славящихся своей гордостью («Если ты беден, сын мой, умеи дорожить своим достоинством», — учил дед будущего писателя), демократическая позиция автора и призыв к нынешним поколениям: устремляясь вперед, не отрываться

¹ Фрагменты из этой книги опубликованы в «ИЛ», 1979, № 12.

СРЕДИ КНИГ

от родной почвы и от своих корней — все это завоевало «Коню моей гордости» небывающую с годами популярность. «Воспоминания бретонца» выдержали не одно издание — к настоящему моменту тираж достиг двух миллионов; их перевели и в других странах, а во Франции по ним поставлен фильм.

Сенсационный успех книги Элиаса, не имеющий ничего общего с коммерческим бумом иных разрекламированных романов, повлек за собой неожиданные последствия.

Мемуары Элиаса породили целую волну произведений, авторы которых вольно или невольно последовали примеру бигуденца и погрузились в воспоминания, чтобы воссоздать прошлое родных мест, воскресить образы забытых предков, их привычки и образ жизни. «Поиски корней» (которыми увлеченно занимаются многие современные писатели в разных странах) переросли во Франции в своего рода литературную моду. Однако значительная часть этого потока воспоминаний, пусть даже и продиктованных самым благородным желанием привлечь внимание к давно покинутому отчужденному краю и вспомнить о своих исконных связях с простым народом, уступает «Коню моей гордости» по уровню художественности, по богатству привлеченного материала, по внутренней органичности, своеобразию и глубине выводов. Нарочитость и самоумиление ощущаются даже в книгах таких известных писателей, как «Красные сабо» Жана Жубера (1979) и «Акцент моей матери» Мишеля Рагона (1980).

И все же две книги, выпущенные издательством «Плон» в той же серии «Земля человеческая», в какой вышли в свое время воспоминания Элиаса, заставили громко заговорить о себе. В них снова был услышан неподдельный и исполненный внутреннего достоинства голос авторов, вышедших из самых низов французского общества. Без всяких литературных ухищрений они сумели так рассказать о своей многотрудной жизни, что их безыскусные свидетельства произвели на читателя гораздо более сильное впечатление, чем исповеди признанных мастеров.

Одна из этих книг — «Гастон Люка, слесарь» (в подзаголовке «Хроника антигероя», 1976)¹ — представляет собой монолог семидесятилетнего рабочего, записанный журналисткой Аделаид Бласкес, которая полностью сохранила и подлинность интонации, и манеру речи своего собеседника.

Вторая — опубликованные посмертно незавершенные мемуары Антуана Сильвера «Туану. Крик овернского ребенка» (1980)². Повествование о детстве и молодых годах этого удивительного человека, родившегося и выросшего в беспросветной нищете, которая не убила в нем неиссякаемой жажды знаний, прошедшего поистине тяжелейший жизненный путь, а в годы войны со всей своей семьей активно участвовавшего в Сопротивлении, несет на себе печать явного литературного дарования. В предис-

ловии к книге Пьер-Жакес Элиас, проследившая историю превращений героя-крестьянина во французской литературе, подчеркивает ценность этого документа, в котором оживает столько народных характеров.

Возвращаясь к книге самого Элиаса, нельзя не сказать, какую неожиданную реакцию вызвала она у отдельных его соотечественников. Сторонников сепаратизма, занимающих непримиримо националистическую позицию, возмутил трезвый взгляд Элиаса на ход истории: с горечью констатируя духовные потери, которые понесла бретонская культура под влиянием политики ассимиляции, веками проводимой сменявшимися друг друга французскими правительствами, и понимая, что безвозвратно погибшее уже не спасти, он в то же время не без надежды смотрит в будущее. Его книга — это не только ностальгический взгляд в прошлое, но и попытка разобраться в дне сегодняшнем и в тех переменах (зачастую разрушительных), которые происходят в укладе деревенской жизни под натиском цивилизации. Воспоминания Элиаса, исполненные гордости и одновременно боли за бретонский народ, заставили многих серьезно задуматься не только о судьбе Бретани, но и других провинций, которые иностранные туристы, да и сами французы привыкли рассматривать лишь как экзотические места, пригодные для летнего времяпрепровождения, не замечая их экономической отсталости и все еще ждущих здесь решения острых проблем.

Тем более отталкивает раздраженный тон оппонентов Элиаса, упрекающих его в непатриотичности, измене бретонскому народу и рабском преклонении перед французскими хозяевами. (Элиасу вменяется в вину даже то, что он переводит свои книги на французский язык.) Стараясь развенчать «Коня моей гордости», Ксавье Грааль четыре года назад издал работу под названием «Конь поверженный», оспаривающую и даже порочащую воспоминания Элиаса. Подобный шаг вызвал недоумение и открытое неодобрение у всех, кто ценил общечеловеческую значимость этой книги.

Не вступая в открытый спор со своими соотечественниками (что было бы, наверное, и бесполезно), Элиас продолжает то дело, которым занимается многие годы, — пропаганду духовного наследия и богатейшего фольклора своего народа. Еще до прославившего его «Коня моей гордости» Элиас публиковал бретонские сказки и легенды в своей обработке и выступал с чтением их по бретонскому радио. В последующие годы он выпустил еще несколько таких сборников на бретонском и французском языках.

Во Франции существует давняя традиция сопровождать книги сказок статьями, которые приоткрывают читателям то, что они не смогут почерпнуть из самих сказок: историю их создания, сведения о старинных деревенских обычаях, портреты народных сказителей.

Такое же требование предъявляли в прошлом веке и в России к первым сборникам русских народных сказок. «Нам сказки важны всего более как материалы для характеристики народа... Поэтому нам

¹ Gaston Lucas, serrurier. Chronique de l'antihéros par Adélaïde Blasques. Paris, Plon, 1976.

² Antoine Sylvere. Toinou, Le Cri d'un enfant auvergnat. Paris, Plon, 1980.

кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы и всю обстановку, как чисто внешнюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку,— писал Добролюбов в 1858 году по поводу сборника русских народных сказок Афанасьева.

В обширном вступительном очерке к книге, название которой можно перевести как «Истории мои и не мои», Элиас, как всегда, с увлеченностью и любовно рассказывает о прошлом Бигуденского края, о веками складывавшихся ритуалах, о сложной этике взаимоотношений, о законах чести и гостеприимства (например, считалось оскорбительным для прохожих держать днем двери дома закрытыми), о благоговейном отношении к хлебу, который доставался столь дорогой ценой, о крестьянской психологии и способности к поэтическому мироощущению, таящейся под заскорузлой и грубоватой внешностью деревенских обитателей.

Обрисовывая противоречивый характер бигуденцев (на удивление щедрых и на редкость прижимистых, скрупулезно честных, но при случае плутоватых), Элиас не скупится на веселую иронию, однако с грустью пишет он о вымирании старинных ремесел, о былом мастерстве бигуденских кружевниц и вышивальщиков, о закате сказки, которую вытеснили телевидение и научная фантастика. В деревнях, где в каждом доме теперь телевизор, отпала нужда в сказочниках, которых собирались когда-то послушать длинными зимними вечерами. Сказка объединяла и просвещала — с ее помощью неграмотные крестьяне передавали из поколения в поколение свои представления о Добре и Зле и любовь к прекрасному.

Далеко не всякий мог стать сказочником. Помимо счастливого природного дара призвание сказочника требовало полного бескорыстия — не случайно, подчеркивает Элиас, ни разу не довелось ему встретить сказочника в среде имущих. Лучшей наградой сказочнику служила сама сказка, на сочинение которой уходили иногда годы. Рассказывая ее, он испытывал такое же наслаждение, какое испытывает хлебопашец, жующий зерно, выращенное своими руками. Сказка была так же независима и свободна, как и ее сочинители. Не существовало отдельных сказок для детей и взрослых, для богатых и бедных. Каждый черпал и усваивал что мог из этого хранилища народной мудрости. «Дело сказочника — сеять. Важно лишь, чтобы зерно было добротным. Сбирать же урожай — не его работа», — пишет Элиас.

В сборник «Истории мои и не мои» вошли сказки и легенды, слышанные им еще в детстве от двух его дедов, которые были искусными рассказчиками. Хотя сам писатель, объясняя разницу между легендой и сказкой, уточняет, что основой для первой служит конкретный случай, а вторая — всегда плод воображения, он же добавляет, что «любая истина с годами расцвечивается красками легенды, а сегодняшняя выдумка завтра может превратиться в исти-

ну». Поэтому и трудно отличить в этой книге легенду от сказки, а сказку от правдоподобного случая из жизни. Поэтому и веришь всем этим историям о том, как море стало соленым (такая сказка есть, наверное, у всех народов, живущих вблизи моря); или о том, как бретонец стал королем Англии (в какой стране не услышишь сказки о хитроумном бедняке, которому удается жениться на царской или королевской дочке); или о том, как торговец слезами превратил чужие похороны в прибыльное для себя дело; или о том, почему перевелись на свете честные воры, изымавшие излишки у богатых и наделявшие ими бедных (вспомним благородного разбойника Робин Гуда).

Ироничный и насмешливый склад ума бретонского народа, сочинившего все эти истории, с трудом допускает вмешательство в ход событий сверхъестественных сил, неизменно присутствующих в стольких сказках мира. В роли героя бретонских сказок мы зачастую видим веселого плута, не верящего ни в бога, ни в черта и ради собственной выгоды, а то и просто ради шутки ловко дурачащего своих соплеменников, и — таков уж закон сказки — мы желаем ему удачи.

Но немало здесь и грустных историй.

О мужественном рыбаке, который спас во время кораблекрушения семнадцать человек и, обессиленный, утонул в тридцати шагах от берега.

О Жане, у которого в двенадцать лет открылся необыкновенный дар — понимать язык камней. И жизнь его с той поры наполнилась тревогой: где бы он ни находился, днем и ночью слышал он их жалобы и стоны. Главные приметы бретонского пейзажа — море и скалы — неизменно присутствуют в местных сказках и легендах.

Или история о румяных яблоках Алена Струлуу. У этого одинокого старика возле дома росла единственная на всю округу яблоня, плоды которой казались деревенским мальчишкам поистине райскими яблоками. В сезон созревания старик неуслышно бдл возле своего драгоценного дерева, и стоило похитителям взобраться на него и завладеть румяными плодами, как раздавался торжествующий вопль: «Держи вора!» Мальчишки бросались врассыпную, но старик неизменно ловил какого-нибудь замешкавшегося. Он с удовольствием плевал на ладони — и злоумышленник получал порку. Свершив справедливый суд, старик отпускал наказанного, и тот, отделавшись парой слезинок, убегал восвояси, не забыв прихватить с собой яблоки. Шли годы. Старого Алена совсем скрутил ревматизм, ему уже стало не под силу бегать за быстроногими мальчишками, и родители запретили им воровать яблоки у беззащитного старика. Зброшенный и забытый всеми, старый Ален плакал, напрасно дожидаясь ворюшек. Вскоре он умер. И сразу же засохла его чудесная яблоня.

Или история о бездетных супругах, которые сами придумали себе сына и поверили в его существование. Они даже присмотрели ему невесту — пригожую соседскую дочку. Но когда ни о чем не подозревавшая

девушка пригласила их на свадьбу с реальным, а вовсе не придуманным женихом, старики не вынесли удара и друг за другом покинули этот свет. Каждый вправе сочинить для себя сказку, если эта сказка помогает жить, но не стоит вовлекать в нее других — разочарование может оказаться слишком горьким.

В последний раздел книги вошли короткие новеллы самого Элиаса о сегодняшнем житье бигуденцев, его наблюдения, жанровые сценки, диалоги, услышанные в среде крестьян, записанные им разговоры со старыми или молодыми бретонцами. Старики, как правило, жалуются на перемены в привычном деревенском существовании и одиночество. Зарастают давно протоптанные дорожки, деревни опустевают, дети и внуки уезжают в город, а немногие оставшиеся жители уже не ходят, как прежде, в гости к соседям. Молодые же крестьяне стараются приноровиться к новой жизни, к новой технике — и не без выгоды для себя. Наинovelльные рекламные проспекты, зазывающие туристов в Бретань, не обходятся без ярких картинок с символическим трактом на фоне золотого поля и старинных замков.

Однако Элиас своими книгами утверждает: пусть одни поколения сменяются другими и внешний лик земли неузнаваемо преобразуется — сама земля, а значит, и ее законы, которым непреложно подчиняется человек, остаются неизменными. «С плугом или с мотыгой, с трактором или с лошастью — с чем бы вы ни подступились к земле, последнее слово все равно за ней... И до тех пор, пока земля будет оставаться землей, никакому трактору не сладить с кустами роз, что каждое утро расцветают по краю поля. Не знаю, как сказать яснее», — говорит автору старый бигуденец в новелле «Роза и трактор».

Н. ПОПОВА

РОМАН, СОЧИНЕННЫЙ НА ОСТРОВЕ БУРУ

Pramoedya Ananta Toer. Roman Karya Pulau Buru. Bumi Manusia. Jakarta, Hasta Mitra, Penerbit Buku Bermutu, 1980.

Прамудья Ананта Тура. Мир человеческий. 1980.

В 1971 году, когда журналистам впервые позволили посетить исправительную колонию на острове Буру, у сопровождавшего их генерального прокурора Индонезии спросили, разрешено ли заниматься литературным трудом Прамудье Ананте Туру, заключенному третьего отряда. «Он может сочинять сколько хочет, но у него нет карандаша и бумаги», — пошутил прокурор. В 1973 году, через восемь лет после ареста Прама (по подозрению в заговоре с целью свержения законного правительства), последовало распоряжение сверху, и первому прозаику Индонезии в виде особой милости было позволено писать. С тех пор в печать не

раз проникали слухи о том, что Прам¹ много и продуктивно трудится, хотя оставалось неясным, что именно он пишет, пока товарищи по общему согласию обрабатывали за него делянку. Лишь в августе 1980 года, без малого через год после того, как Прамудья Ананта Тур в числе последних амнистированных политзаключенных «группы Б» покинул остров Буру, в магазинах Джакарты появился «Мир человеческий», первая книга тетралогии, написанная в заключении, которое длилось пятнадцать лет².

С волнением берешь в руки эту книгу, выдержавшую четыре издания за четыре месяца, вызвавшую восторженные отклики в индонезийской печати, побудившую вице-президента Индонезии Адама Малика устроить прием в честь Прама и обоих издателей романа, также бывших политзаключенных. Но к волнению примешиваются и некоторые опасения: ведь самые талантливые произведения писателя были опубликованы в конце сороковых — начале пятидесятых годов, а перед свирепой антикоммунистической кампанией 1965—1966 годов, которая обошлась для Прама лишением свободы, он больше выступал в качестве историка, общественного деятеля и публициста, автора резких политических статей, публиковавшихся на страницах возглавляемой им газеты «Бинтанг тимур». Впрочем, опасения исчезают, стоит лишь раскрыть роман.

Он начинается душечным салютом. Седьмого сентября 1898 года Сурабая, крупнейший портовый город Восточной Явы, празднует восшествие на престол юной Вильгельмины, королевы Нидерландов, Нидерландской Индии, Суринама и Антильских островов. В этот же день происходит важный поворот в судьбе подданного и ровесника Вильгельмины — Минке, учащегося привилегированной сурабайской гимназии, куда кроме детей голландских чиновников и коммерсантов совсем недавно начали зачислять и немногих подобных ему отпрысков яванских аристократических семейств. Неожиданное знакомство Минке с туземной семьей богатого голландца Меллемы — с его наложницей Саникем, дочерью Аннелис и сыном Робертом — оказывается не только прологом любовной драмы Минке и Аннелис, но и началом духовного становления героя, первопричиной его будущего столкновения с колониальным обществом, на которое он взирает поначалу глазами, полными надежд.

В первое время изумленный Минке видит в уютном доме Меллемы своего рода прообраз новой Индонезии, приобщенной к западной цивилизации. Тон там задает энергичная и обаятельная хозяйка, безупречно говорящая по-голландски и выписывающая журналы из метрополии, а красавица Аннелис помогает матери управлять усадьбой, превосходно устроенной по западному образцу. Однако очень скоро ста-

¹ Так почтительно и любовно называют писателя в Индонезии.

² По горькой иронии судьбы лучшее из предшествующих произведений Прама — повесть «Семья партизанов» (см. «Красные листья. Восточный альманах. Выпуск восьмой». М., 1980) — было написано в голландской тюрьме, где автор, военкор республиканской армии, пробыл также без суда и следствия два с половиной года, выйдя на свободу только после провозглашения независимости Индонезии.